

Амарова Гука
Греч.

01 06 04

РЕЖИССЕР ГУКА ОМАРОВА:

Известия - 2004 -
1 января - с. 10

МЫ — «АСФАЛЬТНЫЕ КАЗАХИ»

Школьницей ГУЛЬШАД ОМАРОВА, жительница Алма-Аты, снялась у Сергея Бодрова-старшего в картине «Сладкий сок внутри травы» (1984). Через несколько лет они встретились снова — с помощью Бодрова Гульшад вошла в российское кино соавтором сценария фильма «Сестры». Бодрова-старшего Омарова называет своим «ангелом-хранителем» — и не зря. Ее режиссерский дебют «Шиза», соавтором и сопродюсером которого стал Бодров, закрывал в этом году каннскую программу «Особый взгляд». О своей работе казахская дебютантка, живу-

щая в Голландии, рассказала корреспонденту «Известий» МАРИИ КУВШИНОВОЙ.

— В России вас называют Гульшад, в каннском каталоге вы были Гука. Как правильно?

— Гульшад — это имя моей бабушки. По восточной традиции не принято называть детей именем старшего родственника, который еще жив. Отец придумал сокращение — Гука.

— Как состоялась ваша вторая встреча с Сергеем Бодровым-старшим?

— Это было девять лет назад, он приехал в Алма-Ату с «Кавказским пленником» — фильм был снят на казахские деньги. Бодров меня нашел, увидел, что я нахожусь в сложной ситуации, и решил помочь. Мы летели с ним в самолете, и он просто попросил: «Расскажи мне про свою жизнь». Я начала рассказывать, и он сказал: «Слушай, а вот это хорошо, из этого может получиться сценарий». Я думала, что смогу снять «Сестер» сама, но мы не смогли найти денег. У Сережи Бодрова было больше шансов сделать эту картину. Мы решили, что в любом случае для меня это будет хорошим стартом. Так и получилось.

— Как вы оказались в Голландии?

— По семейным обстоятельствам. Мой друг — голландец. Я живу там три года, за это время закончила монтировать документальный фильм, который был снят еще в Казахстане. И написала сценарий «Шизы».

— «Шиза» сделана на непривычно высоком для российского кино профессиональном уровне. Это последствия жизни в Европе?

— Да, это повлияло очень сильно. Мы говорим о том, что нужно учиться снимать кино. Но это в большой мере может быть и самообразованием. Когда ты не работаешь, навыки остаются, но качество все равно падает. Я знаю многих хороших казахских режиссеров, которые из-за вынужденного десятилетнего простоя очень много потеряли. В такой ситуации важно подготовиться к длительной осаде — читать, смотреть, пока не представится возможность снимать самому. Европа эту возможность дает в полной мере. Я смотрела фильмы на Роттердамском кинофестивале. Не могу сказать, что я фанатичный киноман. Но кино, книги, выставки, альбомы с фотографиями —

это та культурная среда, которая помогает сформировать и выявить то, что потом помогает в работе. Именно это позволяет снимать универсальное кино, которое понимают везде — и в Казахстане, и в Европе.

— С «Шизой» так и получилось...

— Да. Кроме того, дистанция с Казахстаном открыла мне глаза на многое — на культуру, на отношения между людьми там, даже на мое отношение к моей стране.

— То есть болезненного разрыва не произошло...

— Наоборот, он стал мне ближе, меня как будто подтолкнули к моей стране. Я знаю русский, английский, голландский, но не говорю по-казахски. Сейчас я собираюсь учить родной язык — он будет для меня иностранным.

— Вы говорили о том, что в Казахстане есть две страны — городские казахи и деревенские. «Шиза» из какого Казахстана?

— Это скорее пригород. Мне бы хотелось сделать настоящую казахскую деревенскую историю, но я не могу. Мы — «асфальтные казахи», люди из деревень не очень нас любят; упрекают в том, что мы не знаем языка, традиций и ведем европейский образ жизни.

— Как вы пережили Каннский фестиваль?

— У меня очень заниженная самооценка. Я была удивлена, когда нам аплодировали на Каннском кинофестивале. Самое приятное, что главного героя узнавали на улице в темноте. Олжас гулял с моим сыном по набережной, их останавливали, задавали вопросы, брали автографы, фотографировали. По-моему, уже там картина продана в пять стран.

— Олжаса вы нашли в детском доме. Он вернулся туда после съемок?

— Да. Его директриса не верила, что Олжас будет работать. Думала, он сбежит со съемок через неделю. Потом она написала мне письмо, в котором сказала, что Олжас вернулся с более позитивным взглядом на мир, на себя и на собственное будущее. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ему помочь.

— Правда ли, что «Шиза» отчасти основана на реальных событиях?

— В Алма-Ате я сидела в кафе за столиком, и ко мне подошел человек — оборванный и неприятный на вид. «Ты работаешь в кино?» — «Работаю». — «Мне года три осталось. Запомни меня». И рассказал свою историю: он занимался подпольными кулачными боями.

— То есть вы написали сценарий с его слов и кулачных боев никогда не видели?

— Не видела. Но я встречалась с людьми, которые реально этим зарабатывали. Попасть туда очень сложно. Ставки высокие, лица они прячут. Женщин туда не пускают. Тем более женщин, которые собираются снимать кино.

Сочи

312